

УДК 1(091):316.3

ВЛИЯНИЕ МЕГАТРЕНДОВ НА ПОВОРОТЫ В ИСТОРИИ ИДЕЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИЗАЙНА (ЧАСТЬ 2)

Н.Н. Равочкин

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет
им. Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово
ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия»,
г. Кемерово

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.2.032

Сегодня для объяснения тех или иных возникающих в обществе проблем принято апеллировать к институтам. Эти установления, функционирование которых ввиду их исключительной значимости распространяется на все сферы человеческой жизнедеятельности, представляют собой результат имплементации интеллектуальных конструкторов в координатах социального бытия. Именно идеи позволяют воплотить своего рода желаемый замысел и концептуальные основания институтов с учетом влияния на них множества параметров эмпирических контекстов. Более того, сочетания идей создают уникальный институциональный дизайн, а составляющие его структурные элементы позволяют национальным государствам в той или иной мере реагировать на перманентно возникающие перед ними вызовы. Настоящая статья посвящена рассмотрению влияния мегатрендов на повороты в истории идей институционального дизайна. Во второй части исследования автор завершает анализ мегатрендов рассмотрением коронавирусной пандемии. Осуществлен социально-философский анализ причин и особенностей COVID-19. Обозначено высокое инструментальное значение медиа в современном мире, которые могут быть выделены в самостоятельную сферу общественной жизни. Автором обобщены идейные основания всех трех мегатрендов и выявлены ключевые моменты в неготовности национальных правительств своевременно модернизировать институциональный дизайн. Репрезентирована роль предложенного А.О. Лавджоем проекта истории идей для социального развития. Определены разночтения в толковании базового термина «идеи-единицы», что существенно затрудняет понимание влияния идеальных факторов на осуществляемые различными акторами преобразования институционального дизайна. На примере с идеей «справедливое государственное устройство» продемонстрированы трансформации произошедших в контексте анализируемых мегатрендами смыслов. Обозначена связь между динамикой идей и эффективностью модернизации институционального дизайна национальными государствами. В заключение подведены итоги исследования и намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: идея, мегатренд, институциональный дизайн, мировое развитие, COVID-19, история идей, акторы, смысл.

© Равочкин Н.Н., 2022

COVID-19 как мегатренд

На заключительном этапе обзора мегатрендов целесообразно раскрыть сущность коронавирусной эпидемии, которая начала охватывать мир с 2019 г. Однако уже в первом квартале 2020 г. ВОЗ официально заявила, что COVID-19 представляет собой пандемию и остановить распространение инфекции в общепланетарном масштабе невозможно. Отсюда справедливым выглядит позиция группы зарубежных исследователей по поводу того, что данное явление представляет собой глобальную угрозу не только здоровью нации, но и экономическому процветанию и политико-правовой устойчивости национальных государств [20]. Как показала социальная практика, данное заболевание действительно несет в себе многочисленные угрозы для жизни и здоровья человека, представляя собой серьезную опасность как для отдельного человека, так и для национальных сообществ. Глобальность, драматичность, непредсказуемость и противоречивость, как, впрочем, и комплексный кризисный характер до сих пор не прекратившейся пандемии COVID-19, дает все основания полагать ее в качестве мегатренда.

Инфекционные пандемии не являются чем-то новым для человечества в историческом плане, поскольку лишь за последние десятилетия неоднократно наблюдалось распространение тех или иных вирусов. При этом колоссальное внимание к COVID-19 со стороны специалистов из самых различных областей общественной жизни, по нашему мнению, связано с именно многофакторным характером проявлений данной пандемии. Попробуем провести аналогию и задаться вопросом вроде «А почему к другим вирусам (свиной грипп, лихорадка Эбола и т. д.) внимание было иным?». В первую очередь обращают на себя внимания различия в восприятии предыдущих эпидемий. Однако если подходить к проблеме именно с позиции обозначенной нами тематики, то очевидны зависимости обусловленности понимания и оценки данных событий от институционального дизайна государств и общего расклада в системе международных отношений. Да, до недавнего времени мы могли наблюдать «миг однополярности» мира, но в текущей политико-правовой конфигурации на глобальном уровне уже конституирован мультикультурализм, обозначено несколько точек роста. Стало быть, пандемия COVID-19 обращает на себя многочисленные взгляды главным образом по причине политической маркированности, а не в масштабах опасности. По сути, одними из вариантов видения логики разворачивания пандемии можно увидеть в так называемых «гонках здравоохранений» или же «вирусологии идей». В частности, это выражается в противопоставлении успехов национальной медицины другим странам и регионам в разработке максимально обращающих на себя внимание концептов и сценариев по происхождению и будущему коронавируса соответственно.

Так, в качестве одной из таковых характеристик, отличающих текущую пандемию от других, называют «хорошо срежиссированное и скоординированное поведение СМИ (как национальных, так и глобальных), что заставляет предполагать наличие мощных, прежде всего наднациональных сил, пытающихся использовать эпидемию в собственных целях и интересах» [3, с. 4]. Иными словами, несмотря на реальные угрозы, обусловленные распространением вируса, палитра реакций национальных правительств и многочисленных СМИ на пандемию представлена достаточно широко, что позволяет констатировать беспрецедентные отличия от предыдущих пандемий. Более того, реализация столь кардинальных мер, имеющих ограничительный характер, в той или иной форме предпринимаемых практически во всех странах, обусловливается и особенностями освещения ситуации СМИ.

В современном мире медиа, в особенности их новые формы, существенным образом оказывают влияние на те или иные срезы социального бытия, что даже приводит к дискуссиям об их выделении в самостоятельную сферу общественной жизни. А.В. Анненкова определяет «медиа» как «ядро внешней жизни современного человека: через них он

получает информацию, которая становится все более глобальной и всеохватывающей, через них он формирует свое представление о мире, то есть образ мира, или картину мира» [1, с. 162]. Мы в полной мере соглашаемся с В.В. Андроповой в том, что «журналисты создают, скорее, виртуальную реальность, чем изображают происходящее» [2, с. 124],

Сила медиавоздействия во многом детерминирована спецификой создаваемого средствами дискурса. Сегодня он не столько нацелен на объективную репрезентацию процессов и событий актуальной социально-природной реальности, сколько укоренен в когнитивных интерпретациях окружающей действительности, когда «интерпретация событий нередко приобретает большую значимость, чем само событие» [16, с. 39]. Иными словами, на фоне сворачивания «больших -измов» и одновременном переходе удовлетворения потребностей и экспектаций индивидов на так называемый «молекулярный уровень» и укреплению методологических позиций конструктивизма, усиливается значимость именно моделирующих реальность нарративов, смысловых схем и фреймов.

По большому счету, при освещении пандемии медиа удалось обозначить те пандемии, которые способствовали усилению алармистических и конспирологических ожиданий, а также тревожному восприятию и одноименным оценкам при распространении вируса в национальных сообществах, вынуждая правительства принимать ограничительные меры. Конечно, отдельный акцент необходимо сделать на реальности болезни: в отличие от холодной войны и финансового кризиса 2008 г., COVID-19 действительно несет в себе медицинские риски для каждого отдельного человека, а в основании вызванного им кризиса лежат вовсе не идеи и/или идеологические факторы.

Общемировому кризису, разорвавшему привычные межличностные связи и до сих пордвигающему границы новой социальности, способствует не обычный страх человека перед экзистенциальной угрозой, но непредсказуемость собственной конечности: «Осознание собственной конечности порождает сопровождающее нас постоянно чувство случайности (заброшенности) существования и непредсказуемости судьбы» [4, с. 5]. В дополнение к этому необходимо сказать, что ученые как раз подчеркивают стохастический характер сопряженных с COVID-19 процессов, что только усложняет возможности объяснения социальных следствий пандемии. Для глубинного понимания данного мегатренда обратимся к аналитике исторического опыта и рассмотрим вспышку черной оспы в средневековой Европе. Как известно, данная эпидемия также обусловила множество социальных потрясений: (1) земля дешевела, а (2) стоимость рабочей силы повышалась, в свою очередь это (3) поощряло заключение смешанных браков между бедными дворянами и дочерьми богатых простолюдинов, резко форматируя свойственную для средневекового типа общества социальную структуру.

Однако в представленном случае, как и в схожих кейсах, происходящие в обществе деструктивные процессы ни в коей мере нельзя сравнить с теми, что, к примеру, происходят в архитектуре. Так, изменяются стили мышления – и появляются нетривиальные идеи по ремоделированию претерпевающих метаморфозы структур. Этим ментальным конструктам предстоит конкурировать и взаимодействовать с теми концептами и практиками, которые стремятся реконструировать, а то и вовсе сохранить социальную структуру в неизменном виде, что с учетом комплексного воздействия факторов уже при первом приближении выглядит утопией [20]. В пользу этого говорят многочисленные эмпирические факты: любые социальные или же политико-правовые трансформации хоть и носили фрагментарный характер, но способствовали оптимизации интеллектуальных ресурсов общества для хоть какого-нибудь реагирования на появляющиеся вызовы. Однако трансформации условного «средневекового сознания» позволили сформировать новые институты, которые и являются результатом идейной детерминации социальных преобразований, репрезентируя собой актуальные и в то же время устоявшиеся для конкретного общества варианты мышления и действий.

Сегодня научное сообщество сходится во мнениях по поводу того, что интеллектуальные трансформации приведут к ремоделированию институциональной архитектуры. Вопрос лишь в одном: «Какой путь выберут национальные государства с учетом отсутствия в настоящее время поистине прорывных идей на фоне общепризнанного кризиса нетривиальных социальных конструктов?». Скорее всего, следует говорить о синтезах и модификациях смыслов идей будущих институциональных преобразований под актуальные реалии.

Итак, в 2020 г., как и в проанализированных ранее кризисных ситуациях, человечество оказалось не подготовленным к распространению вируса. Для преодоления кризиса национальными правительствами были осуществлены действия по обеспечению карантинных мер, были сформированы, модернизированы существующие политико-правовые институты, пандемия оказала влияние на реализацию внутренней и внешней политики национальных государств, что позволяет сделать вывод о мирополитическом характере COVID-19, а также об усилении роли государств в вопросах здравоохранения.

Интегральное обобщение мнений мировых лидеров и ведущих ученых также делают резонным понимание COVID-19 как мегатренда, поскольку они подчеркивают, что пандемия не просто будет иметь долгосрочный характер, но ее следствия негативным образом (по)вливают на экономическое, политическое, мировоззренческое, демографическое и прочее положение национальных государств, по сути ставя под вопрос само их наличие в общепринятом понимании [3; 19–21]. Принимая во внимание несоответствие принципов глобализма эффективному противостоянию сложным обусловленным пандемией вызовам, справедливо полагать, что COVID-19 приведет к усилению роли национальных правительств, тогда как некоторые международные институты, вполне вероятно, станут «жертвами коронавируса». Укреплению могущества государств могут способствовать, в частности, изменения в национальном праве, в первую очередь касающиеся миграционного аспекта [20].

Как показывает проведенный анализ, несмотря на то, что основные сферы протекания всех кризисных ситуаций отличаются, холодная война, финансовый кризис 2008 г., пандемия 2019–2020 гг. имеют глобальный, долгосрочный, устойчивый характер, меняют политико-институциональный дизайн государств, что позволяет рассматривать их как мегатренды. Объединяет их также отсутствие готовности национальных правительств к преодолению кризисов и отсутствие опережающих эффективных решений. Выявленные особенности мегатрендов могут быть представлены в таблице 1:

Таблица 1. Особенности холодной войны, финансового кризиса и COVID-19 как мегатрендов

	Холодная война	Мировой финансовый кризис	COVID-19
Сфера протекания	Политическая, геополитическая	Экономическая, финансовая	Медицинская, здравоохранение
Идея, лежащая в основе кризиса	Бинарная оппозиция государственного устройства «социализм – капитализм»	Свободный рынок	Страх перед смертью
Трансформации институционального дизайна	Создание политико-правовых институтов, оформляющих двухполярное, а позднее однополярное мироустройство	Возвращение государства в регулирование финансовой, экономической сфер	Возвращение государства в сферу здравоохранения

Данные результаты позволяют сделать ряд выводов. Прежде всего, можно сделать вывод, что в основании преодоления всех кризисных ситуаций лежат идеи как инструмент социальной инженерии, средством воплощения которых впоследствии становится возлагающий на себя многие функции институциональный дизайн. В данном случае нельзя не согласиться со словами Т. Шаклеиной и А. Байкова, которые подчеркивают, что «поражающий общество кризис – это всегда не только кризис сложившихся в нем институтов и избранных стратегий. Это еще и (а в некоторых случаях – прежде всего) кризис идей, представлений, ориентаций, установок – словом, того, что мы обобщенно именуем сознанием и что нередко находит отражение в идеологиях – официальных и неофициальных» [9, с. 36–37].

Необходимость критической ревизии идей в годы холодной войны привела к созданию политико-правовых институтов, среагировавших на постбиполярный мировой порядок. В отношении финансового кризиса года и пандемии коронавирусной инфекции можно сказать о возвращении государства, несмотря на то, что применительно к отечественным реалиям об этом следует говорить весьма условно. Так, в России рынки никогда не обладали той степенью свободы, которая свойственна для западноевропейских стран. Государство всегда оказывало воздействие на экономику и финансовую деятельность, а его участие, в частности, в экономической ощущается повсеместно. Здесь как нельзя лучше прослеживается инерция, вызванная длительным периодом существования в стране плановой экономики, которая традиционно маркируется как «малоэффективная» и «неконкурентоспособная». И хотя многие ученые подчеркивают, что СССР прекратил свое существование как государство из-за политических факторов, мы ни в коей мере не можем руководствоваться таким редуцированным пониманием, считая, что советские идеология и экономика также внесли свой весомый вклад в неконкурентоспособность выработки инструментов социального развития [12, р. 55–56].

Столь же условным в России случилось возвращение государства в здравоохранение. Усиление государственного регулирования в этой сфере относится преимущественно к странам, фундированным идеями либеральной демократии, где здравоохранение строится на принципах свободной конкуренции. С одной стороны, это действительно мотивирует отдельных медицинских работников и образовательные учреждения к повышению уровня профессионализма и качества оказываемых услуг, с другой – в ситуации с пандемией система оказывается не подготовленной к возросшей нагрузке: респираторы, вентиляторы и другое необходимое оборудование каждое учреждение должно найти самостоятельно. Выходит, что в отечественных реалиях забота об обеспечении медицинских учреждений койко-местами, оборудованием и лекарственными препаратами перекладывается на сами учреждения и граждан, которые оказываются незащищенными. Отсюда неудивительно, что отечественная система здравоохранения воспринимается как «авторизированный хаос», в котором одновременно представлены и избыток, и дефицит [15].

Как видим, все три проанализированных кризиса взаимосвязаны и взаимообусловлены, восходят, по сути, к все той же идее справедливого устройства государства, социалистического, с сильным государством, или капиталистического, основанного на принципах либеральной демократии с минимальным государственным вмешательством. Примечательно, что в качестве идейной основы финансового кризиса 2008 г. видится рецепция интеллектуальных конструкторов конца прошлого столетия, одобренных Западом после холодной войны. По мнению Т. Шаклеиной и А. Байкова, именно эти идеи обусловили «кризис общего мировидения, т. е. политической и экономической картины» [9, с. 49]. Указанное положение применимо и к мегатренду COVID-19, главное отличие которого в неумении властных акторов и интеллектуального сообщества увидеть медицинские факторы в качестве ведущих детерминант. С. Макинтош

указывает, что вследствие упущения из вида связей между факторами национальные государства находятся на катастрофически низком уровне эффективного реагирования и предвидения мегатрендов [18, р. 406]. Кризис мировоззрения – вот причина, по которой странам не удалось своевременно эффективно преобразовать институциональный дизайн до коронавирусной пандемии, и это невзирая на ожидаемый отход от давно критикуемых мер и решений в логике технократической парадигмы.

История идей: возможности повышения готовности к преодолению мегатрендов

Принимая во внимание тот факт, что ни к одному из представленных в статье мегатрендов национальные правительства оказались не готовы, а также тесную взаимосвязь всех проанализированных событий между собой в части идейных обоснований, перекинем дискурсивный мост на историю идей, изучающую роль и значение интеллектуальных конструктов, в том числе в их социальном приложении.

Общеизвестно, что истоки данного исследовательского направления были заложены А.О. Лавджоем. Его теория основывалась на необходимости выявления «идей-единиц», которые выступают базовыми единицами любой концепции или же системы представлений. Выявление и изучение данной разновидности идей и исследование особенностей трансформации их смыслов позволяет сделать определенные выводы об их воздействии на ход исторического развития обществ. Любопытно, что сам Лавджой избегает точной формулировки идей-единиц, однако подчеркивает их трансграничность и трансконтинентальность. Так, ментальные конструкты могут мигрировать из одной сферы в другую или же вовсе из одной исторической эпохи в другую, а также принимать порой совершенно неузнаваемый вид, проникая в религиозные и философские системы, в литературные произведения и различные виды научных дискурсов. Однако вне зависимости от контекста представленности идеи-единицы всегда автономны, они существуют вне его, пусть адаптируясь и приспосабливаясь к нему, но не сливаясь с ним [6; 7; 11].

Применительно к проблематике нашего исследования под такой идеей-единицей можно полагать представления о справедливом устройстве общества. Эти ориентации зародились в Античности и нашли одну из своих первых репрезентаций в платоновском «Государстве». Этот древнегреческий философ усматривал идеальную форму государственного устройства в создании иерархизированного общества с четким распределением обязанностей всех его членов. В дальнейшем представления Платона о справедливом устройстве государства не раз подвергались комментариям и обновлениям, находя свои многочисленные вариации в работах английских мыслителей Нового времени, французских просветителей, немецких классиков и целого ряда современных теоретиков, оформившись в создание динамичной либеральной идеологии.

Либерально-демократические идеи вообще фундаментализировали большинство западных государств мира, прежде всего США – чуть ли не единственного государства, изначально основанного на принципах либерализма. Показателен факт, как противоречивые последствия Великой французской революции, которые, наряду с провозглашением свободы, равенства и братства, привели к многочисленным негативным последствиям в экономической и социальной сферах, способствовали формированию идей социализма как реакции на неудачи либеральной демократии [10].

Грандиозный эксперимент и создание СССР как первого социалистического государства вместе с целым рядом реальных успехов страны способствовали идейному противостоянию с США. По словам Дж. Гэддиса, детально изучавшего холодную войну, обе страны были рождены в революциях, практически одновременно отменили рабство и крепостное право, интенсивно развивались, и, что немаловажно, имели склонность к изоляционизму до тех пор, пока мир не стал «пустым», но впоследствии

заполнился этой конфронтацией [13; 14]. Однако общность параметров не удалось подвести под некоторое идентичное оформление, поскольку в рассматриваемых эмпирических контекстах для обоснования курса государств использовались разные идеологии, которые и маркировали специфику конфликта [13; 14; 17]. Можно сказать, что неприязнь укоренилась в истолковании идей-единиц применительно к трансформирующимся в новых исторических условиях практикам, способствующим созданию и поддержанию справедливого государственного устройства.

Сворачивание социализма на посткоммунистическом пространстве и распад СССР способствовали уже упомянутому краткосрочному в историческом плане «мгновению однополярности», а именно монополии либерально-демократических идей как единственного возможного варианта справедливого государственного устройства. Интеллектуальные конструкты о свободном рынке и невмешательстве государства были признаны универсальными в плане жизнеспособности, вследствие чего Запад и прежде всего США «переживал период не только морально-политического, но и геоэкономического триумфа» [5, с. 17]. Примечательно, что англо-саксонский нарратив о свободных рынках привел к тому, что национальные правительства снимали с себя ответственность и снижали уровень государственного регулирования в различных областях жизнедеятельности общества, в том числе применительно к финансово-экономической сфере и здравоохранению. Однако априори невозможное практическое воплощение идентичных институтов даже в близких эмпирических контекстах, игнорирование проективной обращенности при создании и преобразовании социальных структур, которая бы могла гарантировать опережающее реагирование на вызовы, и трансформация смысла идей обусловили неготовность национальных государств к двум последующим мегатрендам. Учитывая, что любые идеи имеют свою динамику, следует указать, что данная неготовность обусловлена несостоятельностью надежд по отношению к универсальным инструментальным возможностям неолиберальных идей и производной отсюда отсутствующей потребности в новых идеях, а также ввиду «нигилистического отношения к государству как механизму социально-экономического регулирования и стратегического планирования» [9, с. 47].

В свою очередь, и финансовый кризис, и COVID-19 показали необходимость преодоления последствий именно благодаря усилению роли государств и соответствующим изменениям политико-правовой архитектоники. Иными словами, отдельные идеи социализма уже не выглядят настолько оторванными от практики или же вовсе утопическими. Более того, сегодня все явственней проступает новая конфронтация либерально-демократических и социалистических идей, но уже с другим составом участников, что можно отчетливо увидеть через анализ конкуренции между США и Китаем. Данное противостояние также затрагивает несколько сфер, главным образом экономическую и политическую, но отныне сюда включена и медиасфера. Так, передовые методы информологии используются обеими странами при освещении борьбы с пандемией, в первую очередь для конструирования позитивной идентичности, в частности, Китай акцентирует внимание на успешности собственной модели преодоления пандемии, тогда как США не могут создать подобный образ, но отмечают бесполезность локдаунов и самоизоляции. Противостояние модифицированных либерально-демократических и социалистических идей уже стало новым источником роста международного напряжения и формирования ненависти и политики двойных, а то и тройных стандартов по отношению к оппонентам. Зарубежные исследователи отмечают, что даже сегодня в США человек азиатской внешности оказывается зачастую подвержен риску нападения и преследований. В свою очередь, в Китае широко функционирует мнение о том, что вирус в страну был «завезен иностранцами» – и это также способствовало проявлениям агрессии по отношению к обвиняемым в антисанитарии иностранцам [20].

Успехи Китая не могли остаться незамеченными, вследствие чего все чаще в отечественном и зарубежном дискурсе можно встретить мнения о несостоятельности философии той модели глобализации, в рамках которой высветились принципы неоллиберализма. Исследователи также подчеркивают, что национальные популисты, представленные сегодня в правительствах западных стран, не способны полностью справиться со столь масштабными вызовами, с которыми сегодня столкнулся мир [16; 18; 20]. Налицо парадоксальная ситуация: совсем недавно интеллектуальное сообщество говорило о несостоятельности социалистических идей, но вместе с тем сегодня национальные государства все чаще и спешно стремятся вернуть себе рычаги контроля различных сфер жизнедеятельности и готовы принимать на себя ответственность. При этом нам также представляется преждевременным категорично заявлять и о неэффективности либеральных конструктов. Скорее мы согласимся с В.В. Мухачевым в том, что борьба капиталистических и социалистических идей, де-факто продолжающаяся более двух веков, несет в себе как эпохальные победы, так и неизбежные поражения, а также периоды отступлений [10, с. 79].

Важно добавить, что публикация работ Лавджоя, сама концепция истории идей вызвала оживленные дискуссии в научном сообществе, положение об идеях-единицах было подвергнуто критике. Главным образом взгляды Лавджоя критиковались представителями исторической методологии контекстуализма. Ее сторонники настаивают на рассмотрении идей в качестве краткосрочных по своей функциональной значимости инструментов социальных преобразований, предпочитая не проследивать их неоднозначные траектории и не проводить операционализацию и концептуализацию содержащихся в них понятий [8, с. 92]. Однако нельзя не согласиться с контекстуалистами в том, что идеи действительно возникают при сочетании определенных исторических условиях, а некоторые из ментальных конструктов и вовсе теряют свою актуальность.

В целом же именно нежелание учитывать идеальные переменные ввиду трудности их схватывания обуславливает недопонимание роли интеллектуальных конструктов. Значит, многие из них не умирают, но трансформируются и продолжают влиять на социальное развитие в настолько расплывчатом виде, что различные акторы оказываются неготовыми к кризисам и, казалось бы, вполне ожидаемым действиям и институциональным преобразованиям [18, р. 406]. Можно сказать, что запоздалое осознание влияния тех или иных идей приводит к тому, что национальные правительства «готовятся к вчерашней войне» и вынуждены модернизировать институциональный дизайн непосредственно в условиях кризиса.

Все вышесказанное в очередной раз подтверждает динамичный характер идей, а также высвечивает необходимость вдумчивого анализа и непредвзятого учета сильных сторон обоих направлений для их последующего синтеза и адаптации под контекстуальные реалии для создания эффективного институционального дизайна. Проведенный анализ влияния идей на институциональный дизайн в реалиях современных мегатрендов показал, что «справедливое устройство» является лишь одним из смыслов, неодинаково воплощенным в тех или иных координатах социального бытия. Первоначальный идеальный замысел предлагаемой организации общественной жизни неизбежно трансформируется и приобретает новые национально маркированные значения, в то же время, начиная с Платона, в центре данной социальной идеи, в её основании по сегодняшний день находится стремление к созданию более справедливого общества, государства. Отсюда следует, что рассмотренный конструкт имеет все основания полагаться в качестве идеи-единицы.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что мегатренды – это глобальные, долгосрочные и устойчивые феномены мирового развития. Кроме того, они конституируют содержание каждого конкретного этапа эволюции общества в общепланетарном масштабе, на который они приходятся, вследствие чего приобретают ярко выраженный мирополитический характер. Анализ сущности холодной войны, мирового финансового кризиса и пандемии, их отличительных признаков позволяет сделать вывод, что все эти явления по праву именуется мегатрендами, поскольку затрагивают интересы большинства стран мира и им присущи остальные соответствующие сущностные характеристики, требующие от национальных государств трансформаций институционального дизайна.

Обращает на себя внимание, что в основании реагирования на каждое кризисное событие обнаруживается идея справедливого устройства государства, которая изначально вовсе обусловила первый из рассмотренных мегатрендов – холодную войну, которая вовлекла в противостояние большинство государств. Идеологический характер данного противостояния детерминировал изменения в онтологии институционального дизайна противоборствующих альянсов.

Мировой финансовый кризис и COVID-19 продемонстрировали неготовность национальных правительств и наличных институтов преодолеть новые вызовы и эффективно отреагировать на них. В некоторой мере данные мегатренды выступают отголосками событий холодной войны. Сами кризисные ситуации сопряжены с удовлетворенностью идеями «непорочного неоллиберализма», особой формы экономического и политического сознания, также требующей определенных содержательных изменений под актуальные условия.

Под влиянием кризисных ситуаций национальные правительства оказались в ситуации оперативного реагирования, принятия экстренных мер, следствием чего стало возвращение государства в регулирование финансовой, экономической сфер, сферы здравоохранения, усиление роли государства в целом. Иными словами, отмечается усиление позиций социализма как воплощения идей об идеальном устройстве государства.

Важно добавить, что ни к одному из проанализированных кризисов национальные правительства оказались не готовы – и это может отражать недостаточный учет роли и влияния идей на общественное сознание, на формирование и обновление политико-правового дизайна. В сложившейся ситуации особую актуальность приобретает изучение и исследование идей-единиц, которые могут трансформироваться на различных этапах исторического развития в различных национальных сообществах, однако при этом сохраняют каркас первоначальных замыслов и продолжают направлять социальное развитие.

Список литературы

1. Анненкова А.В. Язык СМИ и политика в риторическом дискурсе // Язык СМИ и политика. М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. С. 162–199.
2. Антропова В.В. Динамика речевых жанров и демократизация языковых норм в журналистском дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). С. 124–129.
3. Гринин Л.Е. Пандемия, геополитика и рецессия // История и современность. 2020. № 1 (35). С. 3–22.
4. Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Философская антропология. М.: Пер Сэ, СПб: Университетская книга, 2000. 243 с.

5. Караганов С.А. Новая «холодная война»? // Россия и мусульманский мир. 2008. № 12. С. 16–25.
6. Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
7. Лавджой А.О. Историография идей // История философии. 2005. № 12. С. 159–168.
8. Левитский А.В. История идей как методология изучения христологических споров в Византии эпохи поздней Античности // *Via in tempore*. История. Политология. 2012. № 1 (120). С. 91–95.
9. Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т. Шаклеина, А. Байкова. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. 448 с.
10. Мухачев В.В. Социализм, домарксовский (утопический) социализм и марксизм: уточним понятия // *Terra Economicus*. 2013. Т. 11. № 2. С. 69–81.
11. Равочкин Н.Н. Логика развития социальных идей: обращение к концепции А.О. Лавджоя // *Научное мнение*. 2021. № 9. С. 10–16.
12. Cooper J. The Russian economy twenty years after the end of the socialist economic system // *Journal of Eurasian Studies*. 2013. Vol. 4, № 1. P. 55–64.
13. Gaddis J.L. *We Now Know: Rethinking Cold War History*. Oxford: Oxford University Press, 1998. 425 p.
14. Gaddis J.L. *On Starting All Over Again: A Naïve Approach to the Study of the Cold War // Reviewing the Cold War: Approaches, Interpretations, Theory*. London: Frank Cass Publishers, 2000. P. 27–43.
15. Gaffney A. America's extreme neoliberal healthcare system is putting the country at risk // *The Guardian*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/21/medicare-for-all-coronavirus-covid-19-single-payer> (accessed 12.04.2022).
16. Gronbeck B. E. *Negative Political Ads and American Self Images // Presidential Campaigns and American Self Images*. San Francisco, Oxford: Westview Press, 1994. P. 60–84.
17. Kangas R. Cold War // *The Encyclopedia of War*. Wiley Online Library [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781444338232.wbeow128> (accessed 12.04.2022).
18. Mackintosh S. Crises and Paradigm Shift // *The Political Quarterly*. 2014. Vol. 85, № 4. P. 406–412.
19. Perry S.L., Whitehead A.L., Grubbs J.B. Culture Wars and COVID-19 Conduct: Christian Nationalism, Religiosity, and Americans' Behavior During the Coronavirus Pandemic // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2020. Vol. 59, № 3. P. 405–416.
20. Woods E.T., Schertzer R., Greenfeld L., Hughes C., Miller-Idriss C. COVID-19, nationalism, and the politics of crisis: Ascholarly exchange // *Nations and Nationalism*. 2020. Vol. 26, № 4. P. 807–825.
21. Wosnitza J.H. Alarm index for institutional bank runs // *International Journal of Finance & Economics*. 2019. Vol. 24, № 3. P. 1254–1270.

IMPACT OF MEGATRENDS ON TURNS IN THE HISTORY OF INSTITUTIONAL DESIGN IDEAS (PART 2)

N.N. Ravochkin

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo
Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo

Today, to explain certain problems that arise in society, it is customary to appeal to institutions. These establishments, the functioning of which, due to their exceptional significance, extends to all spheres of human life, are the result of the implementation of intellectual constructs in the coordinates of social life. It is ideas that make it possible to embody a kind of desired design and conceptual foundations of institutions, taking into account the influence on them of many parameters of empirical contexts. Moreover, combinations of ideas create a unique institutional design, and its constituent structural elements allow nation states to respond in one way or another to the challenges that constantly arise before them. This article is devoted to the consideration of the influence of megatrends on the turns in the history of institutional design ideas. In the second part of the study, the author completes the analysis of megatrends by considering the coronavirus pandemic. A socio-philosophical analysis of the causes and features of COVID-19 has been carried out. The high instrumental significance of the media in the modern world is indicated, which can be singled out as an independent sphere of public life. The author summarizes the ideological foundations of all three megatrends and identifies key points in the unwillingness of national governments to modernize institutional design in a timely manner. The role of the proposed A.O. Lovejoy of the History of Ideas Project for Social Development. Discrepancies in the interpretation of the basic term «idea-units» are identified, which significantly complicates the understanding of the influence of ideal factors on the transformations of institutional design carried out by various actors. On the example of the idea of «a just state system», the transformations of the meanings that have taken place in the context of the meanings analyzed by megatrends are demonstrated. The relationship between the dynamics of ideas and the effectiveness of the modernization of institutional design by nation states is indicated. In conclusion, the results of the study are summed up and prospects for further research are outlined.

Keywords: *idea, megatrend, institutional design, global development, COVID-19, history of ideas, actors, meaning.*

Об авторе:

РАВОЧКИН Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия», г. Кемерово, Россия. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Author information:

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich – PhD, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev; associate professor of the Department of Humanitarian and Law disciplines, Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia. E-mail: nickravochkin@mail.ru